

Сидоренко Тамара Михайловна,
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры
социально-гуманитарных дисциплин филиала ФГБОУ ВПО «Кубанский
государственный университет» в г. Армавире, г. Армавир
stm-29@yandex.ru

**«Всемирность» и «всечеловечность» как основополагающее свойство
русской литературы и русского национального самосознания
(по работам В. Кожина)**

Аннотация. В статье рассматривается точка зрения известного критика, литературоведа и историсофа В. Кожина на вопрос об истоках формирования и особенностях русского национального самосознания, основные идеи которого отражены в глубинной православной сущности русской классической литературы.

Ключевые слова: русская литература, самосознание, православие, соборность, всечеловечность, всемирность.

Раздел: (05) филология; искусствоведение; культурология.

В ряде своих работ известный литературовед XX века В. Кожин поднимает вопрос о русском национальном характере и русском национальном сознании. Изучение всеобщего литературного развития являлось для него основой в оценке любого явления современной литературы. Почти во всех своих трудах он, так или иначе, ставит вопрос о всеобщих законах и свойствах литературы.

Вопрос русской национальной самоидентификации вошел в литературоведение во многом благодаря авторитетности и значительности кожиновских работ, созданных им, несомненно, в русле традиций русской философской и публицистической мысли XIX века. Вадим Кожин, наверное, как никто другой из литературоведов советской эпохи, сумел определить глубинную православную сущность русской классической литературы, выражающей основы национального самосознания. Опираясь на историю русской литературы, он проводит мысль о том, что существо русского национального самосознания – всемирность и всечеловечность, причем определяет их не просто как некое готовое качество, а именно как сверхзадачу.

По мнению литературоведа, эта мысль нагляднее всего представлена в творчестве Достоевского, который говорил о всечеловечности как о коренном, основополагающем свойстве русской литературы. Так в 1880 году в знаменитой Пушкинской речи писатель ясно выразил идею «что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себя идею всечеловеческого единения» [5]. В. Кожин не просто комментирует, но прежде всего продолжает православную мысль писателя о всечеловечности и всемирности русского народа. Причем Кожин говорит как раз о православной всемирности Ф. Достоевского и основе русской классики, а не гуманистической, подменяющей подлинную всемирность.

Несомненно, отличительной чертой гения Ф. Достоевского, на наш взгляд, является «всечеловечность», именно в том значении слова, в котором оно было употреблено им в «Речи о Пушкине». В. Кожин считает, что ключевая мысль речи Достоевского была принята как бесспорная, прежде всего потому, что явилась «окончательной кристаллизацией русского литературного самосознания» [4].

Несмотря на то, что эти слова стали восприниматься как некая положительная оценка русской литературы, здесь, уверяет критик, налицо две противоположных стороны: глубоко положительное, идеальное, и одновременно «отрицательное», имевшее противоречивое трагическое звучание, в том числе в духовном мире Достоевского, мире его героев и предшественников, качество. Вслед за Достоевским Кожин говорит о том, что такое своеобразие, возможно, играет более негативную роль для России и прежде всего для братских отношений с Западом, который встречает с высокомерием, непониманием нашу культуру и цивилизацию. К тому же способность перенимать, подражать, заимствовать культурный опыт других народов во многом определил и такое отрицательное качество в русском национальном характере (культуре, литературе) как самоуничужение, зачастую доходящее до самооплевывания. Возможно, именно из-за этой амбивалентности в русском национальном характере, в западных «умах» и возникает непонимание русской, евразийской цивилизации и, как следствие, русофобия. Западному человеку не понятно такие качества русского человека и русской культуры (прежде всего литературы) как «всемирность» или «всечеловечность».

Несомненно, «всемирная отзывчивость» представлялась Достоевскому стержневой характеристикой русского православия, в противовес крайнему индивидуализму Запада.

В своих произведениях Достоевский также обозначает два нравственных полюса. К первому относятся герои-хранители идеи глубинного, открытого любящему и верующему сердцу духовного всеединства мира, «всечеловечности». Вадим Кожин говорит, о том, что эти герои совершают свои поступки перед лицом всего мира, чувствуют единение с этим миром и чувствуют ответственность перед ним, а также ответственность мира перед собой. Владыка Антоний отмечал, что Достоевский умел увидеть в каждом его идеальный образ и умел его полюбить. Именно эта любовь научила писателя находить искру добра во всяком заблуждавшемся. Таким образом, автор наделяет героев этим чувством, извлекая его из личного душевного опыта. Серьезность и масштабность такого мировосприятия многое объясняет и в Достоевском-человеке. В. Кожин автор видит в нем натуру цельную, вопреки многочисленным исследованиям, посвященным дисгармонии и противоречивости личности писателя. Исследователь, высоко ценил в Ф. Достоевском и художника, и философа, и личность. Он подчеркивал, что анализировать романы Достоевского надо непременно с позиции «всемирности» и «всечеловечности».

Другой полюс – герои, олицетворяющие собой хаос, бездуховность и грубый индивидуализм. Вероятнее всего, по этой самой причине и В. Кожин берет «всемирность» Достоевского основой своего исследования, соотнося творчество автора и современную русскую, а также западную литературу. Так образ Аркадия задуман Достоевским как «осуществитель» синтеза духовного опыта «отцов». Но через Версилова герой приобщается к духовным исканиям русской и европейской интеллигенции, а через Макара – к вековым духовным традициям русской народной жизни с ее твердыми религиозными и нравственными началами. Аркадий, сын «аристократа духа» Версилова и крестьянки Софьи, своим происхождением причастен исканиям «отцов». Писатель исследует сущность той духовной основы, на которой могли бы сойтись миры двух героев. Так Макар способен принять в себя миры других людей, а Версильов не имеет корней в нравственной почве. Главным противоречием для Версильова становится противоречие между презрением к людям и *насильственной* христианской любовью к ним. Однако критик обращает внимание на то, что сущность христианства (а именно православия) состоит отнюдь не в «рабской», насильственной любви или ве-

ре, она «свободная», а потому «не навязана с необходимостью», и является «вольно воспринимаемой каждым... даром» [5, с. 145]. У Аркадия же любовь к людям не умоглядная, а подлинная, христианская, исходящая из живой потребности любви и сочувствия. Перерождение героя, «духовно собравшего себя» намечено в романе как перспектива восстановления мира и возможной гармонизации с ним героя. Об этом чувстве говорил другой русский мыслитель И. Ильин: «Православие – это... дыхание искренней, простой и доброй любви, общечеловеческой, готовой служить» [3, Т. 6, ч. 1. 305]. Социальное христианство, деятельная любовь – это тот путь, который указан писателем в его последнем романе. Нельзя не согласиться с Достоевским, и совпадающим с ним в этом В. Кожиним, что деятельная – значит, проявившая себя в конкретных поступках и делах, сострадательная и беззаветная, а значит созидательная. Она, безусловно, кардинально отличается от той аскетичности и холодности, которую часто принимают за истинную святость.

«Всемирность» русской культуры должна пониматься как способность «в будущем постигнуть и объединить все многообразие национальностей и снять все противоречия их» [4]. Задолго до В. Кожина русский философ И. Ильин отмечал такую особенность русского народа как то, что «он обладает необычайным инстинктом всечеловечности: он уживается со всеми и со всем» [2]. Он един именно силой и величием этой нравственной мысли, которая оборачивается не немедленной пользой, а стремлением к вековечным целям.

В. Кожин видит истоки всечеловечности, всемирности русской литературы (и культуры) не только и не столько в христианстве, сколько в том, что Россия складывалась как многонациональная страна, в геополитических условиях ее формирования, в ее государственности. Исследователь приводит ряд примеров из «Слова о законе и Благодати» Илариона, свидетельствующих о собственно русском происхождении идеи «всечеловечности».

Безусловно, самосознание коренится в особенностях национального мировосприятия. Ключевые особенности русского народного мировосприятия строятся вокруг идеи единения, соборности. В. Кожин разделяет понятия «общинность» и «соборность». Первая – это добровольное единение людей, подразумевающее некое ограничение собственно личных человеческих качеств, устремлений, подчинение личности общим интересам и целям. Соборность же рождается только при совершенно свободном, не ограниченном самораскрытии личности. Она понимается критиком как духовное состояние, а также как порожденное им реальное или творческое деяние, которому непременно сопутствует соборность сознания. «Русская душа стремится к целостности, она стремится к Абсолютному, и это религиозная в ней черта» – пишет Н. Бердяев [1, с. 19]. В. Кожин говорит, что соборность «в чистом виде» существует в жизни Церкви, но в то же время может воплощаться в высших своих проявлениях человеческих деяний, основой которых является, добавим, любовь к ближнему.

В отечественной мысли эта тема развивается в контексте противостояния идее индивидуализма, характерного для западной цивилизации. Впервые она получает свое развитие в религиозно-философской идее соборности, соборного сознания, согласно которой христианская вера не индивидуальна, а соборна, и выражение принадлежности к ней – жизнь по вере. Зеньковский пишет, что «“соборность” не есть “коллектив”, а Церковь...» [2, с. 219]. Появление славянофильской теории имеет общенациональное значение.

Еще задолго до В. Кожина И. Ильин утверждал: у России есть «главная идея», «великая идея», идея общечеловеческого будущего. Философ указывал на

важнейший вывод, к которому приходит писатель: «всемирность», «всечеловечность» есть «дух России», «дух Христа» [3, Т. 6, ч. 1, с. 335]. Согласно Достоевскому, идея русского народа (его православия) – «всеобщее примирение», всечеловеческое единение, всечеловеческий синтез в активной любви и для активной любви. Владимир Валерианович не просто комментирует, но прежде всего продолжает православную мысль Ф. Достоевского о всечеловечности и всемирности русского народа. Причем Кожин говорит о православной всемирности Ф. Достоевского и основе русской классики, а не гуманистической, подменяющей собою всемирность подлинную. Истинная всемирность понимается прежде всего как идеал, к которому постоянно стремится русский человек – некое братское единение с миром и народами. Важно отметить, что по мысли Кожина «не быть верующим» – не значит «не постигать» или не вбирать в себя суть православия.

В. Кожин выступает как носитель традиций русской классической литературы, исследуя литературный процесс с православной позиции. Исследуя русскую литературу в ее историческом развитии, литературовед получил возможность непосредственно проникновения в глубины национального духа отечественной классики. Именно духовность и православность являлись ее духовной подпиткой в кризисные моменты. Он глубоко убежден, что понимание сути христианства на Руси обусловлено предшествующей историей народа. Значимым является то, что исследователь объективно указывает на православие как основу русской национальной духовности, что является, несомненно, конструктивным началом кожиновских работ. Постигание В. Кожинным русской литературы в русле ключевого направления развития духа русской классической литературы стало фактом развития русской историософской мысли.

Ссылки на источники

1. Бердяев Н. А. Судьба России. – М., 2000.
2. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Т. 1. Ч. 1. – М., 2011.
3. Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. – М., 1993–1998.
4. Кожин В. В. Грех и святость русской истории. – М., 2005.
5. Кожин В. В. О русском национальном самосознании. – М., 2007.
6. Сидоренко Т. М. Русская литература XIX и XX веков в творчестве В. В. Кожина: дис. ... канд. филол. наук. – Армавир, 2006.

Tamara Sidorenko,

Candidate of Philological Sciences, Senior lecturer chair of social-humanitarian disciplines, branch of Federal state educational institution of Kuban State University in Armavir, Armavir
stm-29@yandex.ru

"World" and "universal humanity" as a fundamental property of Russian literature and Russian national identity (in the work V. Kozhinova)

Abstract. In annotated the article the point of view of a literary critic Kozhinova V. to the question about the origins of the formation and peculiarities of Russian national consciousness, the basic ideas of which reflects the core essence of Russian classical literature.

Key words: Russian literature, Identity, Orthodoxy, Unity, seclusionist, global compassion, universality.

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
 главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию <i>Received</i>	17.08.15	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	19.08.15
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	19.08.15	Опубликована <i>Published</i>	01.09.15

